Дата поступления рукописи в редакцию: 21.09.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-11-287-294
Дата принятия рукописи в печать: 12.11.2026 г.

САДЕКОВ Рустем Рафекович,
доцент кафедры психолого-педагогического и медицинского обеспечения деятельности ОВД ВИПК МВД России, доцент кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России, кандидат педагогических наук, доцент. Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, Академия управления МВД России, Россия, e-mail: 177ru@mail.ru,

БЕДРИН Виталий Сергеевич,
доцент кафедры Информатики и математики, кандидат юридических наук, доцент (ВАК) Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации», e-mail: mail@law-books.ru

ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ПОВЕДЕНИЯ УЧАСТНИКОВ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. *В авторской статье исследуется граница между защитой нарушенного интереса и освобождением стороны от принятого ею риска. Требование добросовестности позволяет пресечь поведение, при котором участник договора формально опирается на принадлежащее ему право, но использует его вопреки обоснованному доверию контрагента. Однако обращение к этому принципу способно породить и другую проблему: неблагоприятный хозяйственный результат начинает восприниматься как достаточная причина для пересмотра договорённостей. На основе системного толкования гражданского законодательства и анализа позиций Верховного Суда РФ обосновывается связь критериев добросовестности с выбором правового последствия. К таким критериям отнесены основание ожидаемого поведения, доступные участнику сведения и способы действия, обоснованность доверия к его предшествующей позиции и характер затронутого интереса. Научная новизна состоит в их согласовании с правомерным распределением договорного риска: суду предлагается выяснять, могло ли ожидаемое от стороны поведение обеспечить интерес контрагента без изменения этого распределения. На материале информационных обязанностей и противоречивого поведения показано, почему установление недобросовестности ещё не определяет объём ограничения права. Обосновывается недопустимость распространения отказа в защите на требования, не связанные с выявленным нарушением, без указания дополнительных правовых оснований.*

Ключевые слова: *добросовестность, гражданское право, договорные отношения, злоупотребление правом, договорный риск, информационные обязанности, правомерные ожидания, отказ в защите права.*

Для цитирования: *Садеков Р. Р., Бедрин В. С. Принцип добросовестности в гражданском праве: критерии оценки поведения участников договорных отношений // Российский научный вестник. 2026. № 11. С. 287–294.*

SADEKOV Rustem Rafekovich,
is an Associate Professor in the Department of Psychological, Pedagogical, and Medical Support for Law Enforcement Activities at the All-Russian Advanced Training Institute (VIPK) of the Russian Interior Ministry, and an Associate Professor in the Department of Psychology, Pedagogy, and Personnel Management at the Academy of Management of the Russian Interior Ministry; he holds the academic degree of Candidate of Pedagogical Sciences and the academic rank of Associate Professor

BEDRIN Vitaliy Sergeyevich,
Associate Professor, Department of Informatics and Mathematics Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (recognized by the Higher Attestation Commission) Federal State-Owned Educational Institution of Higher Education "Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation"

THE PRINCIPLE OF GOOD FAITH IN CIVIL LAW: CRITERIA FOR EVALUATING THE CONDUCT OF PARTIES TO CONTRACTUAL RELATIONS

Annotation. *This article examines the boundary between protecting an infringed interest and exempting a party from the risks they have assumed. The requirement of good faith serves to curb conduct where a contracting party formally relies on a right they possess, yet exercises it in a manner that contradicts the reasonable expectations of the counterparty. However, invoking this principle can also give rise to a different problem: an unfavorable economic outcome may come to be perceived as sufficient grounds for renegotiating contractual arrangements. Drawing on a systemic interpretation of civil legislation and an analysis of the positions taken by the Supreme Court of the Russian Federation, the article establishes a link between the criteria for good faith and the determination of appropriate legal consequences. These criteria include the basis for expected conduct, the information and courses of action available to a party, the reasonableness of the counterparty's reliance on that party's prior stance, and the nature of the interest at stake. The scholarly contribution lies in aligning these criteria with the legitimate allocation of contractual risk; it is proposed that courts should determine whether the conduct expected of a party could have secured the counterparty's interest without altering this risk allocation. Through an examination of disclosure obligations and inconsistent conduct, the article demonstrates why a finding of bad faith does not, in itself, dictate the extent to which a right should be restricted. Furthermore, it argues that it is impermissible to extend the denial of legal protection to claims unrelated to the identified breach without establishing additional legal grounds.*

Key words: *good faith, civil law, contractual relations, abuse of right, contractual risk, information duties, legitimate expectations, denial of legal protection.*

For citation: *Sadekov R. R., Bedrin V. S. The principle of good faith in civil law: criteria for evaluating the conduct of parties to contractual relations. Russian scientific bulletin. 2026;(11):287–294. (In Russ.).*

Введение

Участник договорного спора имеет право безукоризненно сослаться на условие договора и всё же не получить должной судебной защиты. К примеру, кредитор, сам воспрепятствовавший исполнению, едва ли вправе рассчитывать на взыскание санкций за вызванную этим просрочку. Столь же сомнительно положение одной из сторон, которая подтверждала продолжение договора, а затем взяла и воспользовалась прежним основанием для отказа от него. В подобных случаях ссылка на добросовестность понятна. Гораздо труднее объяснить, какое именно обстоятельство делает осуществление права недопустимым и насколько далеко должен распространяться отказ в его защите. Этот вопрос особенно актуален для договорных отношений. Их участники преследуют разные, и при этом нередко противоположные

экономические интересы. Выгодная для продавца цена может оказаться обременительной для покупателя; согласованный срок способен утратить удобство для одной из сторон. Из этого ещё не следует, что контрагент обязан сразу уступить. Если всякое несоответствие хозяйственных результатов ожиданиям участников объяснять недобросовестностью, то обязательность договора будет зависеть от последующей оценки его выгодности.

В цивилистике ранее были предложены разные способы раскрытия содержания доброй совести. Системное исследование принципа представлено в ряде научных исследований, так в работе К. В. Нам [1]; критерии, вырабатываемые судебной практикой, рассматривает Т. П. Подшивалов [2], функциональный подход обсуждает Р. Р. Лугманов [3]. Для поставленного нами вопроса особенно значимо обращение ученого В. А. Кокоревой к признакам недобросовестного поведения [5]. Такой путь позволяет судить о имеющем место нарушении по конкретным поступкам. Но признание поведения недобросовестным оставляет открытым вопрос о судьбе притязания: следует ли отвергнуть его полностью, ограничить отдельную часть или же применить иной способ защиты?

Мы считаем, что ответ связан с распределением договорного риска. При оценке поведения имеет смысл сопоставлять фактически совершённое действие с тем, которого контрагент мог обоснованно ожидать, и выяснять, сохраняло ли последнее принятую сторонами договорную нагрузку. Это сопоставление позволяет отделить уклонение от сотрудничества от отказа принять на себя чужой риск. В таком разграничении и его связи с пределами защиты права состоит развиваемое в статье ключевое положение. Проводимое нами исследование основано на системном толковании норм ГК РФ [8] и анализе правовых позиций Верховного Суда РФ. Законодательство нашей страны рассматривается по состоянию на 16 октября 2026 г., а приводимые наряду с судебными актами условные примеры служат пояснению нашей аргументации.

Собственный интерес стороны и обязанность учитывать интерес контрагента

В юридической практике пункт 2 статьи 1 ГК РФ признаёт за участниками оборота возможность приобретать и осуществлять гражданские права своей волей и в своём интересе. Следующий пункт той же статьи обязывает их действовать добросовестно. Такое соседство положений с правовой точки зрения, существенно: закон сохраняет самостоятельность частного интереса и одновременно определяет допустимый способ его осуществления. Участник договора наделен правом добиваться выгодных условий, настаивать на исполнении и отклонять не устраивающее его предложение. Обязанность учитывать контрагента при этом не равнозначна обязанности обеспечивать ему прибыль.

Содержание этой обязанности подробно раскрывается в пункте 3 статьи 307 ГК РФ. Закон гласит о необходимом содействии для достижения цели обязательства и о предоставлении необходимой информации. Следовательно, значение имеет связь содействия с тем отношением, в которое стороны вступили. Когда действия одного участника объективно необходимы другому для согласованного исполнения, отказ совершить их затрагивает саму возможность осуществления договора. Если же от контрагента ожидают принятия дополнительных расходов или обязанностей лишь потому, что ему это легче сделать, основание такого ожидания зачастую далеко не очевидно.

Представим себе, что поставщик обязан доставить товар на склад покупателя. Покупатель хоть и располагает сведениями о пропускном режиме, без которых транспорт не допустят на территорию, но своевременно их не сообщает. Обязанность предоставить эти сведения вытекает из необходимости обеспечить четкую и согласованную доставку. Иначе обстоит дело с ожиданием, что покупатель сам найдёт перевозчика и оплатит перевозку, возложенную договором на поставщика. Организационно он, возможно, способен это сделать. Как мы понимаем. юридически из такой способности ещё не возникает обязанность заменить контрагента в исполнении. Различие между двумя ситуациями обнаруживается через содержание договора, хотя обе допускают внешне сходный упрёк в недостаточном содействии.

Изучим пункт 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25, который связывает оценку добросовестности с поведением, ожидаемым от участника оборота, который учитывает права и законные интересы другой стороны и содействует ей [9]. Ожидание в данном случае не может определяться исключительно представлениями потерпевшего. Его основанием служат закон, договор, применимый обычай, существо обязательства, а также предшествующее этому взаимодействие сторон. Поэтому первым критерием оценки мы считаем юридическую обоснованность ожидаемого поведения. И чем менее определённа предъявляемая к стороне обязанность, тем убедительнее должно быть объяснение того, откуда она возникла.

С актуальным признанием такой обязанности связан ещё один вопрос: всякое ли ее нарушение свидетельствует о недобросовестности? А. В. Яровой справедливо в своей работе

предостерегает от отождествления недобросовестности с гражданским правонарушением и отдельными элементами его состава [4]. Для взыскания предусмотренной договором неустойки за просрочку обычно не требуется дополнительно доказывать недобросовестность должника. Как мы знаем, нарушение срока уже имеет собственную юридическую квалификацию. Обращение к статье 10 ГК РФ приобретает иной смысл, когда участник пытается извлечь преимущество из созданного им препятствия или использовать чужое доверие для осуществления формально принадлежащего ему права.

Различается и само значение осведомлённости. Для иного заведомо недобросовестного осуществления права, обозначенного в пункте 1 статьи 10 ГК РФ, заведомо входит в характеристику запрещённого поведения. Между тем положительная обязанность сообщить необходимую информацию не исчезает только потому, что сторона не желала причинить вред. Поэтому сведение всех проявлений добросовестности к незнанию о неблагоприятных обстоятельствах не объясняет договорного сотрудничества. Здесь важны содержание обязанности и возможность исполнить её в той ситуации, в которой находился участник.

Сведения и доверие при оценке поведения сторон

На практике уд разрешает спор, уже зная, чем закончились отношения сторон. Для его участников многие обстоятельства в момент принятия решения часто оставались неизвестными. Это различие легко упустить, когда неблагоприятный результат представляется закономерным. Между тем обязанность предупредить об известном препятствии существенно отличается от обязанности заранее обнаружить его посредством специального исследования. Последняя может вытекать из закона, договора или профессионального характера деятельности, но нуждается именно в таком основании. Одного факта, что опасность впоследствии обнаружилась, будет недостаточно.

Отсюда следует второй критерий, связанный с оценкой доступных участнику сведений и реальной возможности действовать в соответствии с возложенной на него обязанностью. Вопрос о том, что сторона должна была знать, решается с учётом применимого правила и характера её деятельности. Профессиональный статус имеет значение для такой оценки, однако не делает осведомлённость безграничной. И напротив, ссылка на незнание будет малоубедительна, если участник сам препятствовал получению необходимых сведений, либо сознательно воспользовался тем, что контрагент не успевает их проверить.

Особенно отчётливо эта проблема проявляется при заключении договора. Так. пункт 2 статьи 434.1 ГК РФ устанавливает презумпцию недобросовестности при сообщении неполной или недостоверной информации, включая умолчание об обстоятельствах, которые должны быть раскрыты с учётом характера договора. Здесь, с юридической точки зрения, охраняется возможность принять осмысленное решение о вступлении в обязательство. Исследование А. С. Райниковым охранительных обязанностей участников переговоров [6] помогает нам объяснить, почему такая защита возникает до заключения договора. При этом свобода переговоров, рассматриваемая им как самостоятельный аспект свободы договора [7], предполагает возможность не достичь соглашения. Обязанность раскрыть существенные сведения не превращает переговоры в обещание заключить сделку.

Не снимает информационной обязанности и ссылка на недостаточную осмотрительность другой стороны. Контрагент действительно может иметь доступ к сведениям, которые разумно было бы проверить до заключения договора. Однако возможность проверки, к сожалению, часто не оправдывает заведомо ложного сообщения или намеренного затруднения доступа к достоверной информации. Отметим, что в споре о добросовестности важна не абстрактная способность стороны проявить больше заботливости, а то, какими средствами она располагала и как на их использование повлияло поведение другого участника.

В определении от 22 июля 2026 г. № 301-ЭС26-525(3) по делу № А43-194/2023 Верховный Суд РФ рассмотрел ситуацию, в которой значительная часть кредитной задолженности гражданина возникла по договорам, заключённым за три дня [12]. Некоторые банки не могли проверить действительную долговую нагрузку, потому что сведения о новых кредитах ещё не отразились в кредитной истории в онлайн режиме. Суд связал недобросовестность с использованием этого информационного разрыва, а также и с обстоятельствами принятия обязательств без намерения их исполнить. Ссылка на обязанность банков самостоятельно проверять заёмщика не устраняла значения его собственного поведения.

При этом Суд не согласился с другим доводом Россельхозбанка — об умышленном сокрытии кредитов при заполнении анкеты. Изучив эти обстоятельства, мы пришли к выводу, что формулировка раздела о доходах и расходах не позволяла однозначно понять, что от гражданина требуют подробно сообщить обо всех имеющихся у него кредитных обязательствах. За понятность

анкеты в основном отвечает профессиональный участник рынка. Отклонение этого довода не изменило общего исхода: в части требования Россельхозбанка было оставлено в силе определение первой инстанции об отказе в освобождении от долга. Для рассматриваемой нами темы полагаем очень существенно то, что оценка одного эпизода не предрешила оценку другого. Признание заёмщика недобросовестным в свою очередь не сделало обоснованным любой предъявленный ему упрёк. Банкротные последствия этого дела имеют специальную правовую природу; за его пределами интерес представляет именно способ оценки информационного поведения.

Доступность сведений тесно связана с доверием к позиции контрагента. Сторона принимает свои решения, опираясь не только на текст соглашения, но и на последующие заявления, принятие исполнения и четкое согласование дальнейших действий. Поэтому важным критерием является обоснованность доверия, вызванного предшествующим поведением участника. Существенна при этом не неизменность его намерений как таковая. Известно, что переговоры допускают пересмотр предложений, а ход исполнения может обнаружить новые обстоятельства. Юридическое значение имеет противоречие, при котором сторона отказывается от позиции, на которую сама дала основание положиться.

Исследуя гражданское законодательство мы понимаем, что ГК РФ регулирует отдельные случаи такого поведения в пункте 5 статьи 166, пункте 3 статьи 432 и пунктах 5–6 статьи 450.1. Эти положения близки по направленности, но различаются условиями применения. Так, пункт 5 статьи 450.1 связывает запрет последующего отказа по тем же основаниям и с подтверждением действия договора при наличии основания для отказа. Требовать во всех подобных случаях ещё и доказательств расходов, понесённых другой стороной в расчёте на продолжение договора, означало бы дописать в норму отсутствующее условие. Общая идея защиты доверия объясняет смысл запрета, однако не заменяет его законодательную конструкцию.

Важным является аспект, что оценка поведения была бы неполной без указания на затронутый интерес. В этом мы видим еще один важный критерий. Умолчание может лишить сторону возможности осознанно выбрать контрагента; отказ в необходимом содействии может воспрепятствовать исполнению; противоречивое поведение — поставить под сомнение результат действий, совершённых с опорой на прежнюю позицию другой стороны. Такое описание позволяет нам установить, в чём состоит нарушение, даже когда денежные потери ещё не наступили. Причинная связь с убытками необходима для их возмещения, но наличие убытков при этом нельзя считать общим условием всякого обращения к добросовестности.

Договорный риск и пределы ограничения права

Перечисленные критерии объясняют, в чём можно упрекнуть участника отношения. Однако они ещё не отвечают на вопрос, почему установленное поведение должно привести к запрошенному истцом результату. Между признанием недобросовестности и выбором правового последствия остаётся самостоятельный предмет правовой оценки. Именно здесь, на наш взгляд, особенно велик риск подменить защиту нарушенного интереса общим пересмотром хозяйственных условий сделки.

Вернёмся к условному примеру с доставкой товара. Своевременно сообщив о пропускном режиме, покупатель содействовал бы исполнению, сохранив за поставщиком обязанность организовать перевозку. Ожидаемое действие не меняло принятого сторонами распределения расходов и рисков. Если же под видом содействия от покупателя требуют оплатить перевозку, которую он не принимал на себя, содержание ожидания становится иным. Для его защиты уже недостаточно объяснить полезность помощи. Следует показать, почему соответствующая обязанность возникла именно у покупателя.

Сопоставление фактического и ожидаемого поведения имеет здесь вполне определённую цель: выяснить, защищает ли заявленное требование возможность согласованного исполнения или изменяет саму договорённость. Отрицательный ответ на вопрос о сохранении прежнего риска не исключает судебного разбирательства. Он означает, что такое вмешательство нуждается в дополнительном основании. Договорное условие может противоречить императивному предписанию, быть результатом обмана или подпадать под специальные правила защиты слабой стороны. Правомерность распределения риска поэтому нельзя предполагать и обосновывать лишь на том основании, что оно зафиксировано сторонами в договоре.

Другая условная ситуация касается твёрдой цены. Если стороны приняли на себя обычный риск роста затрат и заблаговременно не предусмотрели пересмотра цены, снижение рентабельности исполнения не возлагает на контрагента обязанность восстановить ожидаемую прибыль. Но если рост затрат вызван тем, что он сознательно задерживал необходимое согласование, а затем предъявил санкции за возникшую просрочку, ссылка на твёрдую цену не исчерпывает существа спора. Спорным становится преимущество,

получаемое благодаря собственному поведению. Защита от него совместима с сохранением первоначальной цены: устранение последствий нарушения не обязательно требует пересмотра всего экономического содержания сделки.

Есть и обратная ситуация. Освобождение стороны от ответственности за возникшее препятствие не всегда освобождает её от последствий несообщения о нём. Согласно пункту 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 должник принимает разумные меры к уменьшению ущерба от непреодолимой силы, в том числе уведомляет кредитора [10]. Первоначальное препятствие и последующее бездействие должника имеют разное правовое значение. Требование добросовестности сохраняет значение именно потому, что договор продолжает связывать стороны даже в обстоятельствах, за наступление которых они не отвечают.

Сопоставление поведения с условиями договора позволяет точнее определить основание судебного вмешательства. Защита предусмотренного договором права зависит как от правомерности условия, так и от добросовестности его осуществления. Функциональный подход [3] помогает объяснить, для чего применяется принцип; выявление признаков недобросовестности [5] — какое поведение заслуживает отрицательной оценки. Сопоставление с правомерным распределением риска дополняет эти рассуждения вопросом о том, почему выбранное последствие соответствует выявленному нарушению.

Практическое значение этого вопроса проявляется при одностороннем отказе от договора. Пункт 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 допускает отказ в защите права, осуществлённого недобросовестно, включая признание одностороннего отказа или изменения обязательства ничтожным [11]. Но неблагоприятные последствия для контрагента присущи и правомерному прекращению договора. Их наличие не объясняет, чем нарушено требование добросовестности. Такое объяснение может следовать, например, из предшествующего подтверждения действия договора при уже возникшем основании для отказа. И вот тогда защита относится к конкретному противоречию в поведении, а не к любому неудобству, вызванному прекращением отношений.

Сходным образом решается вопрос об объёме отказа в защите. Представим, что заказчик не обеспечил доступ на объект, а затем потребовал от подрядчика неустойку за вызванную этим просрочку. Прежде всего применению подлежат правила о просрочке кредитора и ответственности за нарушение взятого на себя обязательства. Если они дают ответ на спорный вопрос, дополнительная ссылка на статью 10 ГК РФ ничего не прибавляет к имеющейся квалификации. Когда же установлено самостоятельное злоупотребление, его последствия относятся к соответствующему требованию или периоду. Из недобросовестного поведения заказчика в одном эпизоде не вытекает освобождение подрядчика от ответственности за иные нарушения.

Возможность частичного отказа в защите прямо закреплена законодателем в пункте 2 статьи 10 ГК РФ. Особое значение имеет обоснование его границ. Недобросовестность характеризует поведение участника в определённом отношении; она не даёт оснований рассматривать его как лицо, вообще не заслуживающее гражданско-правовой защиты. Если суд отказывает в более широком круге требований, связь между установленным нарушением и таким последствием должна быть продемонстрирована отдельно. А иначе средство пресечения злоупотребления начинает выполнять несвойственную ему функцию наказания за отрицательно оценённое поведение.

Отметим, что различие между квалификацией и последствием заметно и в правилах о переговорах. По пункту 20 постановления Пленума № 7 возмещение убытков должно поставить потерпевшего в положение, в котором он находился бы, если бы не вступал в переговоры с недобросовестным контрагентом [10]. Это вполне объясняет, почему прибыль, ожидавшаяся от несостоявшегося договора, не взыскивается автоматически как результат его предполагаемого исполнения. Утрата возможности заключить другой договор может иметь значение, но требует собственного доказательственного обоснования. Кроме того, пункт 6 статьи 434.1 ГК РФ исключает применение предусмотренных пунктами 3 и 4 этой статьи правил о возмещении убытков к гражданам, признаваемым потребителями. Общая отрицательная оценка переговорного поведения не устраняет этого ограничения.

Не меняется и исходное распределение бремени доказывания. Добросовестность предполагается в силу пункта 5 статьи 10 ГК РФ. Иной порядок для обстоятельств, названных в подпунктах 1 и 2 пункта 2 статьи 434.1, разъяснён нормативно в пункте 19 постановления Пленума № 7 [10]. В связи с этим, предложенные критерии не возлагают на каждого участника обязанность заранее доказывать безупречность всех своих действий. Они позволяют точнее определить предмет спора, когда добросовестность уже поставлена под сомнение. Если этот вопрос поднимается в суде, то следует понимать, что обстоятельства выносятся на обсуждение сторон согласно пункту 1 постановления Пленума № 25 [9].

Заключение

Добросовестность получает определённое юридическое содержание там, где можно объяснить, какого поведения сторона вправе была ожидать от контрагента и почему. Основание такого ожидания, доступные участнику сведения и действия, вызванное им доверие и затронутый интерес дают взаимосвязанные критерии оценки. Они уверенно сохраняют значение на разных стадиях договорного отношения, хотя при этом конкретное содержание обязанности и условия защиты устанавливаются по применимым нормам.

Развиваемое нами в статье положение касается связи этих критериев с договорным риском. Сопоставление фактического поведения с доступным стороне добросовестным действием позволяет увидеть, требовалось ли от неё обеспечить согласованное исполнение или принять иную договорную нагрузку. Во таком случае судебная защита предполагает объяснение основания такого изменения. В первом ограничение права соотносится с тем препятствием или преимуществом, которое возникло вследствие нарушения обязанности сотрудничества, раскрытия информации, либо последовательного поведения.

Это разграничение сохраняет и корректирующее значение доброй совести, и обязательность правомерных договорённостей. Отказ в защите пресекает конкретное злоупотребление; его объём не может определяться общим впечатлением о неблаговидности участника спора. Предложенные критерии предназначены для оценки отношений между контрагентами. Их применение к защите третьих лиц и публичного интереса требует отдельного исследования, как и проверка выводов на сопоставимых спорах по отдельным видам договоров.

Список литературы:

[1] Нам К. В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. 2-е изд., перераб. и доп. М.: М-Логос, 2023. 388 с. ISBN 978-5-6047367-9-1.

[2] Подшивалов Т. П. Добросовестность и её критерии в судебной практике // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2024. № 1. С. 75–83. DOI: 10.46279/ASMO.2024.73.93.003..

[3] Лугманов Р. Р. Спорные аспекты принципа добросовестности // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2024. № 1. С. 47–60. DOI: 10.46279/ASMO.2024.38.35.001..

[4] Яровой А. В. Добросовестность: проблемы доктринального определения и практического применения // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 7. С. 83–93. DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.083-093..

[5] Кокорева В. А. Понятие и критерии добросовестности и недобросовестности участников гражданских правоотношений // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2026. Т. 26. № 3. С. 90–97. DOI: 10.14529/law260312.

[6] Райников А. С. Переговоры о заключении договора в контексте цивилистического учения о доброй совести // Правосудие. 2025. Т. 7. № 3. С. 109–121. URL: https://journals.rcsi.science/2686-9241/article/view/364717 (дата обращения: 16.10.2026).

[7] Райников А. С. Свобода переговоров как самостоятельный аспект принципа свободы договора: содержание и пределы // Ex jure. 2024. № 3. С. 97–110. DOI: 10.17072/2619-0648-2024-3-97-110..

[8] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 16.10.2026).

[9] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». П. 1. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (дата обращения: 16.10.2026).

[10] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (ред. от 22.06.2021). Пп. 10, 19–21. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195783/ (дата обращения: 16.10.2026).

[11] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении». П. 14. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207545/ (дата обращения: 16.10.2026).

[12] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22.07.2026 № 301-ЭС26-525(3) по делу № А43-194/2023. URL: https://www.vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2556296 (дата обращения: 16.10.2026).

References:

[1] Nam K. V. The principle of conscientiousness: development, system, problems of theory and practice. 2nd ed., Revised and add. M.: M-Logos, 2023. 388 pp. ISBN 978-5-6047367-9-1.

[2] Podshivalov T.P. Conscientiousness and its criteria in judicial practice // Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow District. 2024. № 1. S. 75-83. DOI: 10.46279/ASMO.2024.73.93.003..

[3] Lugmanov R.R. Controversial aspects of the principle of good faith // Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow District. 2024. № 1. S. 47-60. DOI: 10.46279/ASMO.2024.38.35.001..

[4] Yarovaya A.V. Conscientiousness: problems of doctrinal definition and practical application // Actual problems of Russian law. 2025. T. 20. № 7. S. 83-93. DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.083-093..

[5] Kokoreva V. A. Concept and criteria for good faith and dishonesty of participants in civil legal relations // Bulletin of South Ural State University. "Right" series. 2026. T. 26. № 3. S. 90-97. DOI: 10.14529/law260312.

[6] Rainikov A. S. Negotiations on the conclusion of a treaty in the context of the civilistic doctrine of good conscience // Justice. 2025. VOL. 7. № 3. S. 109-121. URL: https://journals.rcsi.science/2686-9241/article/view/364717 (accessed: 16.10.2026).

[7] Rainikov A. S. Freedom of negotiation as an independent aspect of the principle of freedom of contract: content and limits // Ex jure. 2024. № 3. S. 97-110. DOI: 10.17072/2619-0648-2024-3-97-110..

[8] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ (rev. dated 10.06.2026). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (access date: 16.10.2026).

[9] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.06.2015 No. 25 "On the Application by the Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation." ITEM 1. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (access date: 16.10.2026).

[10] Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 24.03.2016 No. 7 "On the application by the courts of certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation on liability for violation of obligations" (ed. 22.06.2021). Pp. 10, 19–21. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195783/ (access date: 16.10.2026).

[11] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 22.11.2016 No. 54 "On Certain Issues of Application of the General Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Obligations and Their Fulfillment." CLAUSE 14. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207545/ (access date: 16.10.2026).

[12] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 22.07.2026 No. 301-EC26-525 (3) in case No. A43-194/2023. URL: https://www.vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2556296 (access date: 16.10.2026).

